

Временного правительства министром внутренних дел кн. Львовым; скрепил комиссар Временного правительства С. Котляровский; резолюцию «верно» поставил и. д. директора департамента духовных дел МВД вице-директор Тарановский [2, л. 138–145 об.].

26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России».

В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого из этих обрядов в законодательном порядке [2, л. 103–103 об.].

Таким образом, Комиссии, образованной по инициативе Временного правительства, удалось пересмотреть действовавшее законодательство о р.-к. консисториях и канцеляриях. Естественным последствием возведенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни.

Библиографический список

1. Ганчар А.И. Законодательное решение вопроса о строительстве римско-католических церквей в Российской империи (1917 г.) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVI Междунар. науч. конф., г. Иваново, 5–6 апреля 2017 г.: в 2 ч. / Ивановский государственный университет. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. 528 с. С. 234–239.

2. Об изменении законодательства по делам р.-к. церкви в России (5 мая 1917 г. – 5 октября 1917 г.) // РГИА. Фонд 821. Оп. 128. Д. 1741. 187 л.

ГРНТИ 02.41.31
УДК 101

И.В. Рудакова
БГИТУ, Брянск

СОВЕТСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ 70-Х ГОДОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

В статье рассмотрена советская интеллигенция 70-х годов как социальное целое. Рассмотрены ключевые аспекты образа мира: восприятие времени и пространства, отношение к духовным и материальным ценностям.

Ключевые слова: советская интеллигенция, повседневность, образ мира, время, пространство, ценности.

Прошло более 20 лет после распада СССР, современное российское общество живет в новом мире, для которого советская империя является прошлым. Сейчас, после некоторого временного отрезка, позволяющего отстраниться и посмотреть как бы извне, можно попытаться осознать и понять наше прошлое. Наверное, этим и можно объяснить большое количество исследований, мемуаров, биографий, касающихся советского периода, которые обрушилась на нас в последнее время.

Благодаря им постепенно вырисовывается образ советской цивилизации, но все же основная их часть остается в рамках «псевдополемических концепций» в отношении тоталитаризма. Вследствие этого описывается не столько реальность советского общества, сколько предписываются идеологические рамки его видения. Таких исследований достаточно много, поэтому ограничимся лишь указанием некоторых: Дж. Хоскинг, И. Кондаков, О. Платонов.

На наш взгляд, более эффективным является обращение к повседневности. Взгляд сквозь ее призму позволяет нарисовать картину, отличную от той, которую, с одной стороны, описывают «идеологизированные» исследователи, а с другой, предлагает политическая теория тоталитаризма.

Следует указать, что отрицать ценность и значимость последней мы не можем, влияние официальной идеологии на формирование миров повседневности было, безусловно, большим.

На наш взгляд, важным для исследования является не вся история существования СССР, а 70-е годы. Это время, с одной стороны, характеризуется как расцвет советской модели общества, а с другой, можно говорить об окончательном формировании ментальности советского человека.

Тип повседневности определяет культурная элита. «Эстетически осваивая окружающий мир, они «перерабатывают» повседневность в стиль, формируя эстетический идеал эпохи. Стиль (стилизация, стилевая эволюция) также структурирует повседневность, задавая алгоритм ее развития. Являясь некой культурной целостностью, он влияет как на материально-предметный мир, так и на поведенческую сферу, проявляясь в речи, поведении, манерах и др.» [1, с. 4].

В советском обществе такой культурной элитой прежде всего была интеллигенция. Можно уверенно сказать, что проблема интеллигенции – одна из ключевых в истории СССР. И дело не только в том, что интеллигенция основала Советский Союз, внутри которого

ей потом не нашлось места. До сих пор существует некоторая проблема с понятием «интеллигенция», которая возникла уже более чем 100 лет назад и остается нерешенной. Целью данной статьи будет анализ советской интеллигенции 70-х годов как социального целого.

Интеллигенции как социальной группе свойственна определенная система образов и представлений о мире, другими словами, образ мира. Безусловно, интеллигенция имеет ментальные характеристики, которые являются общими для всех советских людей, что дало основание исследователям говорить о появлении нового культурного типа человека – *homosoveticus*. Однако есть и индивидуальные ментальные характеристики, которые выделяют и обособляют интеллигенцию как социальную группу. Рассмотрение общих и индивидуальных ментальных характеристик в их взаимосвязи и взаимообусловленности дает возможность представить интеллигенцию как социальное целое.

СССР являлся самой большой страной мира. Он располагался практически во всех климатических поясах. Наиболее благоприятная зона для проживания – умеренный пояс. Территория, находящаяся в этой зоне, – самая густонаселенная. По характеру расселения в СССР преобладало городское поселение. Культурная среда города несравненно богаче и разнообразней чем сельская, поэтому городские условия более благоприятны для возникновения и формирования интеллигентского сообщества. Следовательно, основной средой обитания интеллигенции является город.

Говоря в дальнейшем о советской интеллигенции 70-х годов, мы будем иметь в виду прежде всего городскую интеллигенцию. Среда обитания во многом определяет восприятие времени и пространства.

Во-первых, пространство представлялось одновременно как открытое и как закрытое, в едином сосуществовании этих характеристик. С одной стороны, оно ограничено пределами СССР, и тут сама страна впечатляет своими размерами по площади. С другой – внешняя территориальная экспансия страны идет не только в пределах планеты, что вызывает ощущение открытости. Во-вторых, советскому интеллигенту было характерно качественное переживание пространства. Внешнее и внутреннее пространство было ценностно распределено. Это можно представить в виде следующей цепочки: капиталистический Запад – социалистический Запад – Москва – столицы республик – областные города – районные города.

Восприятие первых трех звеньев цепочки можно охарактеризовать как «чудесный рай» и, соответственно, последние звенья как – его антонимы. «Как все-таки здорово, что ведь именно мы, наша страна, первая вышла в космос... да и Циолковский тоже наш... Все

это ужасно радует и даже кружит голову, хотя нам завистники наши (капиталистический Запад) все время хотят доказать, что мы бедные и несчастные, плохо живем. Да, разнословье действительно нет, но ведь все сыты, довольны. Правда, очереди мучают. В Чехословакии нет очередей (а ведь тоже социализм!) и во всех магазинах всего полно, а у нас вечный дефицит» [2, с. 51]. Как мы видим, есть прямая зависимость ценности от пространственной удаленности – более ценно то пространство, которое наиболее удалено. Конечно, мы не можем не учитывать и ценность личного пространства, зоны непосредственной физической манипуляции индивида. Здесь прежде всего важны дом и место работы.

Временная модель представляет собой сложную структуру. Ее основными категориями являются: время личное, различающееся на внутреннее и интерсубъектное, и общественное, сочетающее в себе линейные и циклические элементы. Они неразрывны и взаимосвязаны не только между собой, но и с пространственными представлениями. Во-первых, легкость перемещения в пространстве отражается на качествах времени – оно сжимается до предела, отмечается его быстротечность. Во-вторых, возможность покорить любое пространство распространяется и на отношение ко времени – его можно изменить. Происходит десакрализация времени. На основе представлений о пространстве и времени, вырастающих из них эмоционально-психологических реакций личности, сложилась система ценностей советского человека.

Одной из основных тем, волнующих интеллигенцию, была ценность государства. Это едва ли не самый главный вопрос, внутри которого пытались найти ответ не просто о назначении советского строя, каким он должен быть, а и возможности его воплощения в жизнь. Необходимо отметить, что неизменно за этими обсуждаемыми проблемами стояла попытка понять смысл жизни, смысл человеческого бытия. Другими словами, говоря об идее социалистического общества, если не прямо, то косвенно, затрагивались мировоззренческие проблемы.

Но массового недовольства советским строем, отрицания самой его сути не было, скорее, было очень много сомнений. После оттепели вера в прошлое была сильно поколеблена, трезво оценивались не только поступки И. Сталина, но и В. Ленина. Вот пример наиболее яркого рассуждения на эту тему: «...осознали, что не было никакого «золотого века большевизма», что «ленинские нормы» – это целеустремленная партийность, жестокая нетерпимость и отрицание всех общечеловеческих нравственных принципов, что именно ленинцы

распахали и удобрили ту почву, из которой выросла сталинщина...» [3, с. 66]. Происходило постоянно увеличивающееся дистанцирование от государства. В первую очередь это проявилось в общественно-политической жизни. В целом, доля времени, потраченного на общественно-политические дела в течение десятилетия, у интеллигенции по сравнению с другими социальными группами падает.

Одной из высших ценностей становится труд. На первых местах оказались требования морального удовлетворения от труда. Это общение с людьми, возможность им быть полезным, а также применение своих способностей. Иными словами, для интеллигенции возможность должностного продвижения и материальное стимулирование являются, конечно, важными, но не доминирующими мотивами труда.

Вообще охарактеризовать отношение к материально-вещественным ценностям в среде интеллигенции однозначно очень сложно. С одной стороны, интеллигенция как наиболее духовно и нравственно развитая часть народа отличается бытовым аскетизмом. С другой стороны, в условиях тотального дефицита немалая часть времени отдается сфере потребления и приобретения вещей. Это наделяет вещи высокой ценностью не столько в смысле стоимости, сколько в смысле большой значимости для человека, владеющего ею.

По ряду причин интеллигенция оказывается максимально чувствительной к этой ценности. Вещи использовали и хранили длительное время – до тех пор, пока не придут в полную непригодность и невозможность перерождения в качестве предмета с другой функцией. Такая вещь уже не *товар*, а, скорее, *товарищ*. При достаточно высоком значении вещи в среде интеллигенции она не опосредует человеческие отношения, не замещает человека.

Рассматриваемый нами период характеризуется повышенным вниманием к вопросам религии. По мнению Платонова, «роль церкви во второй половине 60-х – 70-е годы заметно увеличивается. Более частыми становятся случаи прихода в храм людей (особенно интеллигенции), выросших в атеистических семьях...» [4, с. 404].

Религиозное сознание интеллигентов в этот период можно обозначить как едва проснувшееся, поэтому больше внимания уделялось обрядовой, материальной стороне, которая была толчком размышлений о религии. Показательно, что в анализируемых дневниках этого периода встречается много церковной лексики, которая употребляется вместе с нейтральными словами. Например, «тусклая вечеря», «хвойный куполок» и др.

Еще одной характерной особенностью были сложные отношения интеллигента и власти. Мнение большинства – «у нас кто власть

захватил, тот и барин, а остальные все – быдло» [5, с. 18–19]. Следует уточнить, что сложность возникала в одностороннем порядке – только у индивида ввиду его зависимости, власть же действовала по отработанным схемам.

Если в прошлом властные действия замаскировывались, то в 70-е годы все было предельно обнажено. Разрешение или не разрешение чего-либо давалось всегда сверху и, как правило, обжалованию не подлежало. Пример из дневника Нагибина, который по советским меркам за границей был очень часто, обрисовывает типичную ситуацию того времени. «Все, что связано с зарубежными поездками, окружено такой непроницаемой тьмой, перед которой тайны мадридского двора – детская забава. Но я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь даже в частной беседе усомнился в справедливости этого обычая, напротив, все, в том числе и потерпевшие, делают значительные, понимающие лица, мол, это дела такой государственной важности, что не нам с нашим жалким умишком пытаться их постигнуть» [5, с. 345].

В целом интеллигенция как социальное целое было ориентировано на слово, и в первую очередь письменное слово. Оно было не только моделью коммуникации, но и одним из самых сильных и эффективных средств борьбы. Именно письмо своими свойствами отвечало требованиям времени – давало возможность влиять на неограниченное количество людей без пространственно-временных ограничений. Жанровый состав письменного слова разнообразен: письмо коллективное, письмо индивидуальное, статьи, произведения художественные и документальные. Их объединяющим началом было желание не стать молчаливым соучастником, что, в сущности, расценивалось как донос. Различали их только цели, диапазон которых был широк. От общечеловеческих, например, показать и открыть людям правду (таким было создание «самиздата»), до вполне меркантильных, например, освобождение вышестоящего места с целью его получения.

Таким образом, советская интеллигенция представляет собой социальное целое, обладающее специфическими характеристиками: качественным распределением времени и пространства, особым выделением таких ценностей, как труд, письменного слова, зарождением религиозного сознания, а также сложными взаимоотношениями с властью.

Библиографический список

1. Козьякова М.И. История. Культура. Повседневность. Западная Европа: от античности до XX века. М., 2002. 360 с.

2. Филиппович Э.Г. От советской пионерки до челнока пенсионерки. М., 2003. 584 с.
3. Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве: 1956–1980. М., 1990. 477 с.
4. Платонов О.А. Терновый венец России. История русского народа в XX в. Т. 2. М., 1997. 1040 с.
5. Нагибин Ю. Дневник. М., 2005. 702 с.

ГРИНИТИ 03.23.55
УДК 343.7

Т.П. Урожаева
ИГУ, Иркутск

ПРОБЛЕМА БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПРИАНГАРЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х – НАЧАЛЕ 2000-Х ГГ.

В статье рассмотрена деятельность организованных преступных групп Приангарья в 1990-е – начале 2000-х гг. Главными направлениями ее являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство). Организованная преступность являлась серьезным дестабилизирующим фактором, оказывающая воздействие на социально-экономическую жизнь региона, на хозяйственно финансовую деятельность предприятий, на воспитание подрастающего поколения, на уровень культуры населения Приангарья.

Ключевые слова: организованные преступные группы (ОПГ); рейдерство; бандитизм.

В 1990-е – начале 2000-х гг. нестабильность экономической и общественно-политической жизни страны, снижение жизненного уровня большинства населения, нравственная деградация, а также ряд других факторов создали благоприятные условия для роста организованной преступности.

Основными сферами деятельности организованных преступных групп (ОПГ) являлись: торговля оружием, хищение дорогих автомобилей с последующим их возвратом владельцам за крупное вознаграждение, рэкет по отношению к предпринимателям, наркобизнес, захваты предприятий (рейдерство).

Противоправная деятельность ОПГ в регионе Приангарья оказывала существенное влияние на все сферы жизни и регионального управления, выступая силой, создающей угрозу общественной безопасности, и устанавливая контроль над отдельными промышленными предприятиями, транспортным комплексом региона в частности.